

Станислав Стратиев

Зимние повадки зайцев

Станислав Стратиев
Зимние повадки зайцев

www.stanislavstratiev.org

Зимние повадки зайцев

© Станислав Стратиев, 1996. Все права защищены.

© Aeolus Project, 2014. Все права защищены.

Перевод с болгарского Валентина Полянова.

Все права на текст пьесы защищены. Не допускается копирование, распространение, опубликование, публичное исполнение, перевод на иностранные языки, постановка спектакля по пьесе, или иное использование текста, без получения письменного разрешения праводержателей.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Первый.

Второй.

Софроний.

Лило.

Сенегалец.

Екатерина.

"Иметь будете радость и веселие и жить будете мирно и тихо,
как все мы вам того желаем, и сие исполнится! Аминь!"

Софроний Врачанский, 1811 год

Дом, затерявшийся в старых виноградниках и зарослях каштанов. Его нижний этаж сложен из камня, а верхний обшит досками, местами видны кирпичные стены с окнами, окованные железом ставни которых наглухо закрыты. Дом явно не раз перестраивался, надстраивался, разрасстался, отдельные части возводились в разное время из разных материалов: в ход шли римские капители, камни с окрестных гор, старый кирпич и черепица, как и совершенно новые материалы... Он все строится, достраивается, в нем то и дело что-то ремонтируется, а что-то разрушается и разваливается, чтобы выстраиваться заново, крыша в одном месте проломана, и через пролом видны деревянные балки, ржавый стальной трос и барабан лебедки, через дыру в потолке трос тянется вниз, откуда, вероятно, с помощью лебедки поднимают материалы для ремонта... Дом старый, весь погрязший в своей давней жизни, в нем то и дело что-то скрипит, что-то перемещается, что-то падает само собой, дует, дышит, существует, позванивает – возможно, это ветер на чердаке раскачивает забытые там колокольчики овечьих отар, по стенам и потолку, возможно из-за дыры в крыше, пробегают тени – то ли облаков, то ли проносимых ветром листьев, а может, чего-нибудь или кого-нибудь еще... Запахи забытых на чердаке пучков сухого тимьяна и аромат плодов айвы, сморщенных, сохшихся, величиной с орех, тонкий и слабый, как воспоминание, все еще ощутимы... не выветрились... Дом, как живое существо, дышит, плачет, стонет, удивляется, сопротивляется, обороняется и в то же время стоит покорно, молчаливо, безразлично. Проволочный трос, протянутый через отверстие чердака и через холл, тянется дальше, в подвал, откуда, видимо, и приводится в движение. Хозяева дома уехали за границу, и ремонт замер. Холл дома просторный, в одном его конце видна скрипучая деревянная лестница, ведущая на верхний этаж и на чердак. Через него от дыры в крыше протянут проволочный трос лебедки, который

спущен вниз и через пролом в полу один его конец тянется в подвал, а другой конец через большое отверстие – наверх, на чердак и дальше: к чердачному потолку, на крышу и кусок неба... Большой стол на восемь персон, стулья, шкафы, в разных углах холла – предметы, о которых шла речь выше... На одной из стен – остановившиеся настенные часы... В углу – старая печка-буржуйка для топки углем... Все это мы различаем потом, а в первую минуту нас окружает крошечная тьма. В темноте слышится удар, что-то с грохотом падает, после чего доносятся голоса.

ПЕРВЫЙ. Твою мать!!..

ВТОРОЙ. Что – колено?

ПЕРВЫЙ. Нет, на этот раз – не нога!.. Ищи выключатель!

ВТОРОЙ. Я вроде нащупал.

ПЕРВЫЙ. Так включай.

ВТОРОЙ. Ой, что-то шевельнулось!..

ПЕРВЫЙ. Глупости!..

ВТОРОЙ. Убежало. Что-то мерзкое... (*Кричит.*) Ой, ой! Твою мать!!..

ПЕРВЫЙ (*встревоженно*). Что с тобой?!

ВТОРОЙ (*испуганно*). Вцепилось в пальцы!.. Грызет!..

ПЕРВЫЙ. Так убей его! Скорее!..

ВТОРОЙ (*кричит*). Мать его!..

Неожиданно зажигается свет. Второй нащупал выключатель и довольно ухмыляется. Никто его не кусал. Оба мужчины в джинсах и кожаных куртках. Второй моложе и стройнее Первого. Первый довольно грузный и по всему видно несколькими годами старше. Но они оба еще молоды: старшему не больше тридцати пяти лет.

ПЕРВЫЙ. Кретин!

ВТОРОЙ. Но ты попался на удочку!..

ПЕРВЫЙ. Забыл, что имею дело с идиотом!..

ВТОРОЙ. Все не могут быть реа... Как это?..

ПЕРВЫЙ. Реабилитаторами.

ВТОРОЙ. Вот именно.

ПЕРВЫЙ. Да это и не нужно. Достаточно знать, для чего нужен аспирин.

ВТОРОЙ. А для чего?

ПЕРВЫЙ. Тебя это не касается. У тебя голова никогда не болела...

(Растирает колено.) А я вообще не переношу боли... И наперед знаю, что не миновать инфекции. И возможно в колене появление жидкости!.. Мать его... это ремесло, всегда действуешь в темноте!..

ВТОРОЙ. Теперь делают такие протезы, что можешь стать и футбольным форвардом!..

ПЕРВЫЙ. Не желаю слушать эти тупые шуточки!.. Займемся лучше делом!..

Продолжает тщательно растирать колено... Второй выходит и через некоторое время возвращается, волоча огромный сверток, завернутый в полиэтилиновое полотно. После того как он развернул полотно, оказалось, что им был завернут человек. Рот у него заклеен скотчем, волосы взъерошены. Привязав пленника к стулу, Второй усаживается напротив и закуривает, не сводя с него глаз...

ВТОРОЙ. Целый час в багажнике, а погляди, какой свежий – прямо как огурчик. *(Приглаживает привязанному волосы.)* А все благодаря резервной крышке.

ПЕРВЫЙ. Инструменты!

Второй выходит и возвращается с чемоданом, который открывает на столе и подобно коммивояжеру устраивает демонстрацию вынимаемых из чемодана предметов. Показывает их связанному, тот испуган дальше некуда...

ВТОРОЙ. Арматурные ножницы... Смекаешь?!.. Утюг!.. Бензиновая горелка... Шланг... Смывает кровь!.. Фреза. Режет...

Во время этой демонстрации связанный теряет сознание. Первый все это время за ним наблюдает и курит.

ВТОРОЙ. Моя взяла.

ПЕРВЫЙ. Как бы не так.

ВТОРОЙ. Он обеспамятел, когда я назвал горелку.

ПЕРВЫЙ. Нет, шланг.

ВТОРОЙ. Горелку!..

ПЕРВЫЙ. Нет, он даже дотянул до фрезы.

ВТОРОЙ. Ерунда... Он вырубился уже после утюга.

ПЕРВЫЙ. Хватит, осточертело... *(Поворачивается.)* Давай деньги!..

ВТОРОЙ. Да ты чего?!..

ПЕРВЫЙ. Каждый раз, когда ты в проигрыше, устраиваешь цирк.

Знаешь, что никто не ловится на твою удочку, но устраиваешь!.. Это глупо!..

ВТОРОЙ. Нет! Неправда!..

ПЕРВЫЙ. Глупо!.. Но ты не настолько глуп. Ты наглый!.. Гони деньги, и приступим к делу!..

ВТОРОЙ (*протягивает ему деньги.*) Только потому, что знаю: ты копишь на яхту!..

ПЕРВЫЙ. Давай!..

Второй отвечает связанному две оплеухи, тот открывает глаза. Второй резким движением срывает с его рта скотч.

ПЕРВЫЙ. Легче! Губы оторвешь.

ВТОРОЙ. У меня на него зуб. Из-за него проиграл деньги.

ПЕРВЫЙ. Действуй профессионально.

ВТОРОЙ. Был бы человеком, признался бы еще в городе!..

ПЕРВЫЙ (*связанному*). Ну что, так и будешь строить из себя легендарного Балканджи Йово, который не хотел отдавать красавицу-сестру иноверцу, или покончим с нашим делом и разойдемся мирно?

СОФРОНИЙ. Не понимаю.

ПЕРВЫЙ. Послушай ты... как твое имя?

СОФРОНИЙ. Стойко.

ПЕРВЫЙ. Нет, тебя как-то по-другому звать...

СОФРОНИЙ. Софроний...

ПЕРВЫЙ. Именно. Так Стойко или Софроний?

СОФРОНИЙ. По паспорту я Стойко.

ПЕРВЫЙ. А Софроний – как?

СОФРОНИЙ. Софронием меня зовут... приятели.

ПЕРВЫЙ. Значит, для нас ты Софроний.

Второй разглядывает предметы мебели и вещи, имеющиеся в холле... Услышав последнюю фразу, спрашивает, обращаясь к связанному.

ВТОРОЙ. А почему тебя зовут Софронием?

СОФРОНИЙ. Да... (*Замолкает.*)

ВТОРОЙ. Если это тайна, можешь не говорить.

СОФРОНИЙ. Потому как невезучий я.

ВТОРОЙ. Мне тоже не везет, да никто не зовет меня Софронием.

СОФРОНИЙ. Это идет от Софрония Врачанского... Его тоже звали Стойко... перед тем как он стал епископом...

ПЕРВЫЙ. Значит, невезучий?

СОФРОНИЙ (*с горечью*). Какая бы беда ни приключилась, она всегда приключается со мной. Так было и с ним.

ВТОРОЙ. А что же с ним случилось?

СОФРОНИЙ. Да не было такого несчастья, какое бы с ним не случилось. Холод, голод, страх, позор... Бросали в тюрьму, били, хотели повесить...

ВТОРОЙ. Кто хотел повесить?

ПЕРВЫЙ. Да ясно, кто. А скажи-ка нам теперь, где твоя сестра.

СОФРОНИЙ (*в отчаянии*). Я же сказал вам, люди добрые: нету у меня сестры!..

ПЕРВЫЙ. Эй, Софроний!.. У нас ведь тоже веревка имеется!..

СОФРОНИЙ. Люди добрые, я простой парикмахер! И у меня нету сестры!.. Честное слово! Сколько раз можно божиться!.. Я самый обыкновенный брадобрей!

ПЕРВЫЙ. Надо же, как распустился этот народ!.. Кого ни спросишь – нету сестры! И куда подевались все эти сестры, а?!..

СОФРОНИЙ. Да я-то тут при чем?! Распотрошили мое рабочее место, меня избили и привезли сюда в багажнике... Может, я и не ахти какой

парикмахер, но сестры у меня нету... Разве ж я виноват?! В чем здесь моя вина?!

ПЕРВЫЙ. Виноват, что не говоришь, где твоя сестра.

СОФРОНИЙ (*чуть не плача*). Ну как я скажу, если у меня ее нет!..

ПЕРВЫЙ. Пойми, нам не хотелось бы тебя бить. Но если не скажешь, живым отсюда тебе не уйти.

СОФРОНИЙ. Да поймите же, люди добрые: нету у меня сестры!..

ПЕРВЫЙ. Значит, продолжаем играть в Балканджи Йово? А ведь ему отрубили обе руки, пока допрашивали!..

Неожиданно издалека донесся низкий басовитый гудок, похожий на стон, – трудно определить, что это за звук... Прозвучал еще раз и заглох...

ПЕРВЫЙ. Слыхал?

ВТОРОЙ. Где-то наверху...

ПЕРВЫЙ. Как будто стонет кто-то...

ВТОРОЙ. Да это ветер дует в валяющуюся на чердаке трубу...

ПЕРВЫЙ. Похоже на пароходный гудок... В тумане...

ВТОРОЙ. Ну где взяться пароходу среди виноградников?

ПЕРВЫЙ. Похоже!.. Я сказал "похоже"!.. Пойди-ка проверь... И смотри, осторожнее!..

Второй, ступая на цыпочках, поднимается по деревянной лестнице на чердак... Первый перемещает пистолет наперед и засовывает за пояс брюк, чтобы был под рукой... Слышны шаги Второго... Первый напряженно прислушивается... к стуку падающих предметов, к сухому треску. Второй возвращается...

ВТОРОЙ. Нигде ничего. Одна паутина.

ПЕРВЫЙ. А ты на крышу заглянул?

ВТОРОЙ. Не пришло в голову!..

ПЕРВЫЙ. Еще бы тебе пришло!.. Дилетант!..

ВТОРОЙ. Да это ветер!.. Задувает сквозь дыру в крыше и стонет, как человек...

ПЕРВЫЙ. Надеюсь!.. Бери арматурные ножницы, а то наш Софроний уже заснул!..

СОФРОНИЙ. Ой, люди добрые... подождите...

ПЕРВЫЙ. Ожидание кончилось.

СОФРОНИЙ. Если кому нужна моя парикмахерская, пусть забирает!..

Я дарю!.. Мне она не нужна!.. И без того никто не бреется... Все ходят бородатые...

ВТОРОЙ. С чего начнем – с кистей рук?

ПЕРВЫЙ. С пальцев. Большого, указательного – и так далее.

СОФРОНИЙ. Умоляю!.. Люди вы или нелюди?..

ПЕРВЫЙ. Люди дали твоей сестре пять миллионов!.. А она – вместо того, чтобы их вернуть, смылась, и теперь эти люди не могут заниматься своим делом. Это как – по-людски?.. Я тебя спрашиваю!..

СОФРОНИЙ. Нет.

ПЕРВЫЙ. Верно.

СОФРОНИЙ (*в полном отчаянии*). Будь у меня сестра, я бы сказал, где она!

ВТОРОЙ. А ты скажи, ничего, что ее нет.

СОФРОНИЙ. Говорю чистую правду! Разве я похож на полоумного?

Разве стал бы отпираться, рисковать, чтоб вы начали ломать мои кости?!.. Ну зачем мне врать?!..

ПЕРВЫЙ. Затем, что распустились вы все!.. Каждый брешет, крадет, убивает!..

СОФРОНИЙ. Вы же видели мое рабочее место... старые машинки для стрижки волос и три выщербленные бритвы... о каких миллионах вы толкуете?!..

ПЕРВЫЙ. О, вы их положили в банк!.. Вы же не полоумные, чтобы вкладывать такие деньги в парикмахерскую!..

СОФРОНИЙ. Тут какая-то ошибка... у меня нет сестры!..

ПЕРВЫЙ. Ошибка, говоришь?

СОФРОНИЙ. Да.

ПЕРВЫЙ. Трагическая?

СОФРОНИЙ. Да.

ПЕРВЫЙ. О, знаю я этих людишек!.. Все их нутро!.. Смотрит в глаза и врет!..

СОФРОНИЙ. Клянусь... как перед Господом Богом...

ВТОРОЙ. Видал, как пудрит мозги.

СОФРОНИЙ. Да ошибка это, господа. Честное слово!..

ВТОРОЙ. За дураков нас держит.

СОФРОНИЙ. Господа!..

В этот момент где-то в глубине дома, непонятно где именно, слышатся то ли всхлипы, то ли плач, какие-то звуки, напоминающие сдавленное всхлипывание...

Звуки повторяются... Все прилушиваются...

ПЕРВЫЙ. Вот опять... Что это? Похоже на плач...

ВТОРОЙ. Вроде как блеет коза...

ПЕРВЫЙ. Какая еще коза!.. Нет, здесь, в этом доме, что-то несусветное творится... Духи завелись, что ли?.. Ох, не нравится мне это!..

ВТОРОЙ. Наверху валяются печные трубы, пустые бутылки... Может, это ветер...

ПЕРВЫЙ. Да брось ты... ветер!.. Какой там ветер!.. Слышишь?.. Вот, шаги!..

Первый в два прыжка оказывается около выключателя и гасит свет. На сцене воцаряется полная тьма. Шаги приближаются, кто-то входит в холл... Свет внезапно вспыхивает. Его включил Первый. Посреди холла стоит в растерянности человек лет семидесяти пяти – явно давно не бритый, в измятой ветхой одежде, в руке держит мешок... Первый направляет на него пистолет... Второй хватается за арматурные ножницы... Привязанный к стулу узник смотрит на вошедшего, не издавая ни звука... Вошедший озирается и поднимает руки... Стоит с поднятыми руками, не выпуская мешка, чем-то наполненного на одну треть...

ПЕРВЫЙ. Ты кто такой?

ЛИЛО. Я? Лило.

ПЕРВЫЙ. Что за Лило?!

ЛИЛО. Да... Иванов Стоев.

ПЕРВЫЙ. Как? Иванов Стоев?!

ЛИЛО. Лило Иванов Стоев. Двадцать один, ноль шесть, пятьдесят два, пятьдесят четыре.

ПЕРВЫЙ. Это что – шифр?

ЛИЛО. Это мой единственный номер гражданина.

ПЕРВЫЙ. А что ты делаешь здесь?

ЛИЛО. Ночую.

ПЕРВЫЙ. Ночуешь?!

ЛИЛО. Да, ночью. Могу я опустить мешок?

ПЕРВЫЙ. Нет, не можешь. А с какой это стати ты здесь ночуешь?!

ЛИЛО. Да я... только иногда. Во время акций.

ПЕРВЫЙ. Вот как. Да ты, случайно, не партизан?

ЛИЛО. Нет. Так можно опустить мешок?

ПЕРВЫЙ. Нет, нельзя.

ЛИЛО. А переложить в другую руку?

ПЕРВЫЙ. Нет.

ЛИЛО. Но он упадет. Тяжелый.

ПЕРВЫЙ. Пускай.

ЛИЛО. Говорю – упадет. Тяжелый.

ПЕРВЫЙ. А что в нем?

ЛИЛО. Старое железо.

ПЕРВЫЙ. Какое старое железо?

ЛИЛО. Всякое, какое попадетя.

ПЕРВЫЙ. Уж очень ты подозрительный. А нам говорили, будто не видели, чтобы сюда кто-нибудь заглядывал.

ЛИЛО. И правда – никто не заглядывает.

ПЕРВЫЙ. А ты?

ЛИЛО. Я тоже.

ПЕРВЫЙ. Как это понимать?

ЛИЛО. Почти...

ПЕРВЫЙ. Только когда акция, так что ли?

ЛИЛО. И тогда почти не заглядываю.

ПЕРВЫЙ. То есть?

ЛИЛО. Я скрытно.

ПЕРВЫЙ (*Второму*). Обыщи его и свяжи. Больно подозрительный тип.

ВТОРОЙ. Не шевелись!.. (*Обыскивает его и связывает.*)

ПЕРВЫЙ (*просматривает паспорт Лило*). А ты вовсе не Иванов

Стоев!.. И никакой ты не Лило!

ЛИЛО. Разве?

ПЕРВЫЙ. Нет, не Лило.

ЛИЛО. А кто я?

ПЕРВЫЙ. Ты меня спрашиваешь?!

ЛИЛО. Потому что... время от времени я ... забываю...

ПЕРВЫЙ. Забываешь, кто ты такой?!

ЛИЛО. Единый номер, можно проверить, правильный... Цифры

помню, а вот имена... Так ты говоришь, что я... кто?

ПЕРВЫЙ. Здесь написано: Ценко Даскалов Ценкин.

ЛИЛО. Именно!..

ПЕРВЫЙ. Что – "именно"?

ЛИЛО. Ценко я. Так и есть

ПЕРВЫЙ. Э, дед, ты что ... нас за дураков держишь?

ЛИЛО. Нет, что вы.

ПЕРВЫЙ. Как же – нет? Одно дело – Лило, другое – Ценко!..

ЛИЛО. Я себя зову Лило, а как они там...

ПЕРВЫЙ. Ну, дед, нашел с кем шутки шутить!..

ЛИЛО. Какие там шутки! Говорю: вылетело из головы!..

ПЕРВЫЙ. Последний раз спрашиваю! Почему не говоришь, как тебя зовут?

ЛИЛО. Да вижу... связанный человек, пушка, ножницы... Кто знает, что вы за люди... Тут не только имя, а...

ПЕРВЫЙ. И ты решил нас провести?

ЛИЛО. Где тут решать! Думал: только бы ноги унести...

ПЕРВЫЙ. А ты, дед, я вижу, не совсем прост.

ЛИЛО. Тут ты прав...

ПЕРВЫЙ. Но сейчас я тебя кое о чем спрошу, а ты смотри - отвечай как можно точнее. Потому как у этого парня (*кивает на Второго*) уже руки чешутся!..

ЛИЛО. Понял.

ПЕРВЫЙ. У него, когда ничего не делает, малость мутится в голове.

ЛИЛО. Ясно.

ПЕРВЫЙ. Ну да ладно. Скажи, что ты делаешь здесь? Что вынюхиваешь? А еще и ночуешь в этом доме! И имя настоящее скрываешь!

ЛИЛО. Вы случайно не из этих... которые... по "беспорядкам"?

ПЕРВЫЙ. А что?

ЛИЛО. Спрашиваю.

ПЕРВЫЙ. Спрашиваю здесь я. А ты отвечаешь. Ну?

ЛИЛО. Да... Исследователь я...

ПЕРВЫЙ. Дед!..

ЛИЛО. Исследую старину.

ПЕРВЫЙ. Клады ищешь? И сколько фракийских гробниц уже опустошил?

ЛИЛО. Четыре... или пять. Только они уж были опустошены.

ПЕРВЫЙ. Конкуренция?

ЛИЛО. Да опустошают-то их уже не первый век.

ПЕРВЫЙ. А говорят, у нас нету традиций!..

ЛИЛО. Традиции есть – золота нету.

ПЕРВЫЙ. Ну, пару горшков ты, наверно, припас!..

ЛИЛО. На все воля Божья. В этом деле без магии не обойтись.

ВТОРОЙ. Бульдозер и металлоискатель – вот твоя магия.

ЛИЛО. Золото от них хоронится.

ВТОРОЙ. Хоронится в твоём кармане.

ПЕРВЫЙ (*осматривает вещи Лило, которые вынул из его карманов*).

А это что? (*Показывает запечатанный конверт.*)

ЛИЛО. Письмо.

ПЕРВЫЙ. Что за письмо?

ЛИЛО. Предсмертное письмо.

ПЕРВЫЙ. Кто его написал?

ЛИЛО. Я написал.

ПЕРВЫЙ. Ты?!

ВТОРОЙ. А у деда-то и впрямь не все дома.

ПЕРВЫЙ. Да он просто нас морочит.

ВТОРОЙ. Нет, чокнутый он.

ПЕРВЫЙ. Спорим на сто марок?

ВТОРОЙ. Готово.

ПЕРВЫЙ. Эй, дед, ты как – в порядке?

ЛИЛО. Да... грех жаловаться.

ПЕРВЫЙ. Что ж, сейчас посмотрим. (*Распечатывает конверт и читает.*) Нет, он меня сразил наповал!

ВТОРОЙ. А что там написано?

ПЕРВЫЙ. Самое настоящее предсмертное письмо!.. (*Читает.*)... Эй, дед! Да ты, никак, себя за святого выдаешь!..

ЛИЛО. Есть и про грехи. На обратной стороне.

ПЕРВЫЙ (*переворачивает лист*). Всего-навсего три... нет, четыре.

ЛИЛО. По тебе ложь, по мне – истина.

ПЕРВЫЙ. Наставления... заветы... А вот где золото – не пишешь...

ЛИЛО. Так ведь нету золота.

ВТОРОЙ. Может, подвесить его на крюке? (*Указывает на крюк лебедки.*)

ПЕРВЫЙ. А для чего ямы роешь? Сад собрался садить?

ВТОРОЙ. Да врет он все. Давай вздернем!.. (*Направляется к лебедке.*)

ПЕРВЫЙ. В любом нормальном предсмертном письме пишут про то, где деньги, кому они оставлены и тому подобное... А ты здесь пишешь, что не убивал Лило... мол, это был не ты... И после этого жизнь с тебя семь шкур содрала живьем... А причем тут какой-то Лило, ведь Лило – это ты?!

ВТОРОЙ. Да, не повезло нам с этим дедом.

Лило молчит.

ПЕРВЫЙ. Нет, тут не все чисто... Дед-то уж очень сомнительный...

ВТОРОЙ. Как подвесим на крюке, все выложит!..

ПЕРВЫЙ. Где золото? Говори! Где прячешь наполеондоры?..

Лило молчит.

ПЕРВЫЙ. Значит, будем поджаривать обоих. Хватит ли бензина?

ВТОРОЙ. Полная канистра.

ПЕРВЫЙ. А это что за письма, что за конверты?

ЛИЛО. Эти тоже.

ПЕРВЫЙ. Как, и эти?!

ЛИЛО. Да, тоже предсмертные письма.

ВТОРОЙ (*оставляет крюк и подходит к Первому*). Давай деньги! Моя взяла!

ПЕРВЫЙ. Погоди.

ВТОРОЙ. Он же вконец свихнутый! Гони деньги!

ПЕРВЫЙ (*обращается к Лило*). Во всех семи конвертах?

ЛИЛО. Во всех.

ПЕРВЫЙ. И в этих письмах ты пишешь то же самое? Как жизнь с тебя шкуру содрала живьем?

ЛИЛО. Одно и то же.

ПЕРВЫЙ. Во всех семи?!

ЛИЛО. Во всех семи.

ВТОРОЙ. Наконец-то повезло: я выиграл... (*Целует Лило в лоб.*)

ПЕРВЫЙ (*берет одно из семи писем, вскрывает конверт, читает*). То же самое!!

ВТОРОЙ. Деньги гони!.. (*Протягивает руку.*)

ПЕРВЫЙ (*кладет в нее сто марок*). Семь предсмертных писем!.. Зачем столько... а, Лило? Тебе что – мало одного?!

ЛИЛО. Чтоб были.

ПЕРВЫЙ. Это как?!

ЛИЛО. Когда нет ничего другого, пускай хоть письма будут.

ПЕРВЫЙ (*обращается к Лило*). Ну, ладно. Допустим, их семь. Но для чего вообще ты их написал? Какой нормальный человек носит в кармане семь предсмертных писем? Тебе, я вижу, пальца в рот не клади.

ЛИЛО. Да разве знаешь? Утром ты живой, а к обеду – уже покойник.

Эти дела нынче легко делаются.

СОФРОНИЙ. Мир пошел наперекосяк, а больше всего – эта страна, это логовище варваров и разбойников!..

ПЕРВЫЙ. Эй, Софроний, ты на что намекаешь?

СОФРОНИЙ. В городе Плевен сидел Пляса-паша с шестнадцатью тысячами арнаутов. А в Берковице – Гюрджи-паша и с ним еще столько. А у Османа-Пазвантооглы было три шайки разбойников-кирджали. Он разбил Пляса-пашу и захватил все, что у того было. Кара-Мустафа одолел Гюрджи-пашу и завладел всем. Разбойники-кирджали рассыпались по всей округе, дотла сожгли села и много людей погубили. Уцелевшие бежали в иные земли.

ВТОРОЙ. Неужели и этот чокнулся?

ПЕРВЫЙ. Нет. Он проводит параллели.

ВТОРОЙ. Что проводит?!

ПЕРВЫЙ. Сравнивает тогдашнее и теперешнее. Нас сравнивает с кирджали. Помнит целые страницы из писаний Софрония Врачанского, а не может вспомнить, где сейчас его сестра!.. Вот с каким народом приходится иметь дело!.. Но сейчас он вспомнит!.. Как включу фрезу!!

Первый направляется к столу, где они оставили фрезу, но тут же останавливается. Снаружи доносится топот ног, какой-то человек, хрипло кашляя идет к холлу... Первый вынимает пистолет и поспешно гасит свет. Полная тьма. Кто-то входит... И вдруг вспыхивает свет – это Первый нажал на кнопку выключателя. Посреди холла стоит мужчина лет тридцати пяти – небритый, в измятых пыльных джинсах... Первый и Второй берут его на мушку...

СЕНЕГАЛЕЦ. Ну и ну! Похоже, я влип!..

ПЕРВЫЙ. Руки!..

СЕНЕГАЛЕЦ (*поднимает руки*). Не хватало еще, чтобы ты меня сейчас шлепнул!..

ПЕРВЫЙ. Назовешь пароль – я готов купить тебе шляпу!..

СЕНЕГАЛЕЦ. Ясно. Парень тертый. Только передвинь пушку малость левее, чтоб не пришлось долго мучиться. Целишься прямо в селезенку. ПЕРВЫЙ (*Второму*). Обыщи его!..

Второй подходит к Сенегальцу сзади и начинает очень осторожно его обыскивать... Вынимает пистолет... нож... наручники... берет веревку, которой тот подпоясан...

ПЕРВЫЙ. Эй, мужик, да ты прямо завод "Арсенал"! Не хватает олько ракеты.

СЕНЕГАЛЕЦ. Есть и ракета. Одна беда – в дверь не пролазит.

ПЕРВЫЙ. Видали, корчит из себя лихача!.. Документы имеются?

СЕНЕГАЛЕЦ. Больше ничего нет.

ПЕРВЫЙ. Свяжи его.

СЕНЕГАЛЕЦ. Погодите, ребята, не пыжьтесь. Вы, наверно, из бригады Джики... (*Первый и Второй переглядываются.*) Мы с ним двоюродные братья, даже с виду похожи... (*Опускает руки.*)

ПЕРВЫЙ. Кто такой этот Джика?

СЕНЕГАЛЕЦ. Не ломайте комедию, лучше дайте, если есть, чего-нибудь глотнуть, не заставляйте называть фамилию.

ПЕРВЫЙ. Кстати, а твоя фамилия как?

СЕНЕГАЛЕЦ. Зовут меня Сенегальцем, а фамилии не знает никто.

ВТОРОЙ. А ты, случайно, не Конопляный?

СЕНЕГАЛЕЦ. Можно и так звать.

ВТОРОЙ. Я его знаю, он и правда двоюродный брат Джики.

ПЕРВЫЙ. Ладно, дай ему хлебнуть!.. (*Второй протягивает Сенегальцу небольшую плоскую бутылку.*) А что тебя привело сюда?

СЕНЕГАЛЕЦ (*отпивает глоток*). Да я третий день вожу одних сенегальцев, никак не можем добраться до границы. Такого со мной еще не случалось. Нарвались на патруль, повернули обратно, и вот... Это что за местность?

ПЕРВЫЙ. Каменный Верх.

СЕНЕГАЛЕЦ. Он-то как раз мне без надобности. Да что ж это такое, а?! (*Пьет.*)

ПЕРВЫЙ. Ты, значит, перебрасываешь людей?

СЕНЕГАЛЕЦ. Перебрасываю.

ВТОРОЙ. Сенегальцев?

СЕНЕГАЛЕЦ. Я их так называю. На самом деле есть всякие – пакистанцы, африканцы...

ПЕРВЫЙ. А где они сейчас?

СЕНЕГАЛЕЦ. Сидят в виноградниках.

ПЕРВЫЙ. Сколько их?

СЕНЕГАЛЕЦ. А я знаю!.. Было семнадцать, некоторые потерялись, другие отстали, вроде бы осталось одиннадцать... (*Снова отпивает глоток.*) Да я и не считал их со вчерашнего дня, но думаю, что столько... Я бы давно их бросил, только каждый из них припрятал тысячу марок, дадут мне, когда перейдем границу... Первую тысячу от каждого я уже получил... в задаток, а вот вторую...

ВТОРОЙ. Двадцать две тысячи марок!

СЕНЕГАЛЕЦ. Думаешь, мне одному достанется?!.. Знаешь, сколько мартышек уцепилось за эту ветку?

ВТОРОЙ. И от конопки столько же...

СЕНЕГАЛЕЦ. Конопля – дело долговременное... сеешь... косишь... сушишь...

ПЕРВЫЙ. Индийская?

СЕНЕГАЛЕЦ. Откуда мне знать?!.. Сею ромашку – растет конопля... Пока не пойдет в рост, не разберешь. Природа!.. Ну, я пойду, нам надо поскорее до границы добраться, да и у вас, я вижу, тоже дела есть... Спасибо за горячее!.. *(Начинает собирать свои вещи.)*

ПЕРВЫЙ. Бывай здоров!

ВТОРОЙ. Бутылочку-то верни!..

СЕНЕГАЛЕЦ. А, верно!.. *(Возвращает бутылку.)* Бывайте и вы живы-здоровы!.. *(Уходит.)*

ВТОРОЙ *(Смотрит на пустую бутылку)*. Как ему не быть здоровым, когда все виски вылакал!..

ПЕРВЫЙ. Считай до десяти и дуй за ним!

ВТОРОЙ. Это еще зачем?

ПЕРВЫЙ. Только так, чтобы он не видел.

ВТОРОЙ. Да Конопляный он, известный... Я от Джики про него слышал...

ПЕРВЫЙ. А тебе приходилось его видеть?

ВТОРОЙ. Нет.

ПЕРВЫЙ. Ты уверен, что сюда приходил именно Конопляный?

ВТОРОЙ *(догадывается)*. Думаешь, что...?

ПЕРВЫЙ. Надо проверить, что это за сенегальцы.

ВТОРОЙ. А кто же еще?

ПЕРВЫЙ. Как бы не оказалось, что в виноградниках спецназовцы. Чего доброго спохватятся и вернутся сюда.

ВТОРОЙ. Почему же они не застукали нас сразу?

ПЕРВЫЙ. Проверяют. Сколько нас, кто мы такие... Вот и мы проверим.

Оба бесшумно выходят. Софроний и Лило, привязанные к стульям, сидят молча, глядя перед собой. Переглядываются и опять сидят, как раньше, не говоря ни слова.

ЛИЛО. Плохо дело.

СОФРОНИЙ. Какое там плохо. Совсем крышка.

ЛИЛО. Брось, не говори так!..

СОФРОНИЙ. Такое, брат, положение.

ЛИЛО. Ты думаешь, что... они... *(Не решается сказать.)*

СОФРОНИЙ. Если только Сенегалец не окажется спецназовцем. Но с моим везением...

ЛИЛО. А что у тебя с везением?

СОФРОНИЙ *(с горечью)*. А то... если надумаю шить шапки, люди начнут рождаться без голов.

ЛИЛО. Чем же ты занимаешься?

СОФРОНИЙ. Парикмахер я.

ЛИЛО. А им ты чем не угодил?

СОФРОНИЙ. У меня нету сестры.

ЛИЛО. У меня тоже нету, но меня они не собирались связывать и ломать мне кости арматурными ножницами.

СОФРОНИЙ. Тебя тоже связали.

ЛИЛО. Это дело другое.

СОФРОНИЙ. Свяжут ли – пиши пропало!..

ЛИЛО. Меня связали потому, что связали тебя. Если ты им скажешь то, чего они добиваются, они меня развяжут.

СОФРОНИЙ. Я не могу сказать.

ЛИЛО. А почему? Они ведь тебе все кости переломают.

СОФРОНИЙ. О, это еще что. У них горелка. Будут поджаривать.

ЛИЛО. Так что же ты скрываешь?

СОФРОНИЙ. Они спрашивают, где моя сестра.

ЛИЛО. Ну, придется сказать.

СОФРОНИЙ. Или я тронутый умом, или вы все свихнулись!..

ЛИЛО. Правда где-то посередине.

СОФРОНИЙ. Правда то, что такое мое везение!.. У людей бывает по четыре сестры, а они почему-то ко мне привязались!.. Не кого-нибудь, а меня затолкали в багажник и собираются поджаривать!.. Со мной всегда так!.. С той поры, как себя помню!.. Меня то пытаются за то, что нету сестры, то за то, что есть!.. Им это не важно!.. Важно мордовать!..

ЛИЛО. А у тебя правда нету сестры?

СОФРОНИЙ. Мир гибнет. Все пошло наперекосяк. Две рыбы жарятся на решетке – одна другой не верит. *(Пауза.)*

ЛИЛО. Софроний...

Софроний молчит.

ЛИЛО. Эй, Софроний...

СОФРОНИЙ. Оставь меня в покое!.. Чего тебе? Я не хочу говорить!.. Да и зачем?..

ЛИЛО. Чтоб было не так страшно. Чтоб не думать.

Софроний молчит.

ЛИЛО. Будь добр, Софроний!.. Расскажи что-нибудь!.. Неважно что!..

СОФРОНИЙ. Что же все-таки тебе рассказать?

ЛИЛО. Про свою парикмахерскую...

СОФРОНИЙ. Про парикмахерскую... Ну так вот. Сижу я в своей парикмахерской с тех пор как себя помню, читаю "Житие и страдания грешного Софрония", за дверьми – лес, деревья того и гляди порог переступят. А вокруг – ни тебе Господа, ни дьявола... Все подались через границу в Сербию: бензин туда таскают, потому как эмбарго. И брить некого... Хоть ложись и помирай! Ночью таскают канистры, а днем спят... На улицах – ни души!.. Какая уж тут стрижка, какое бритье!.. Делать нечего, решил и я попытать счастья... Налил две канистры бензина и подался к границе. Весь город ее переходит, шныряет туда и назад, словно в дни приграничного праздника, но в этой суতোлке хватают только меня!.. Сколько раз ни пойду, столько и попадусь!.. Будто я – светлячок!.. И меня за километр видят!.. Ведь ночь на дворе, тьма кромешная – глаз выколи, не видно ни зги!.. А меня видят за километр!.. Штрафуют, выливают бензин... Думаю: что же такое во мне светится, туды их мать?! Раз, отчаявшись, надумал я перейти границу с пустыми канистрами, чтоб докопаться, где тут собака зарыта... И никто меня не остановил!.. До самого Пирота дошел. А что мне было делать в этом городе, там тоже никто не бреется, все шастают за границу, но уже в обратном направлении... И ходят небритые, как арнауты... Тут-то я и понял, что во мне светится – это моя злая доля!.. Человек рождается с ней, как со своим горбом, – и

избавления не жди!.. Что бы ты ни делал, куда бы ни ходил – все без толку.

ЛИЛО. Да, плохо дело.

СОФРОНИЙ. Прямо ложись и помирай.

ЛИЛО. А сестры у тебя нету?

СОФРОНИЙ. Если бы была, я бы им сказал еще тогда, когда они заявили в мою парикмахерскую и распотрошили ее.

ЛИЛО. Для чего же им понадобилась твоя сестра?

СОФРОНИЙ. Какая-то дамочка прихватила пять миллионов и сбежала. И, конечно же, они ворвались ко мне и заявили, что это моя сестра. И поскольку я не сказал, где ее искать, они привезли меня сюда, чтоб "освежить" мою память.

ЛИЛО. У тебя правда нету сестры?

СОФРОНИЙ. А Лило убил ты? (*Пауза. Лило весь сжался.*) Ты убил?

ЛИЛО. Так болтают. Но его убил не я.

СОФРОНИЙ. А почему ты присвоил его имя? (*Лило молчит.*) Почему говоришь: "Я себя называю Лило, а как они"?.

ЛИЛО. Говорю первое, что приходит в голову...

СОФРОНИЙ. Э, нет!

ЛИЛО. Я временами забываю... Старый я...

СОФРОНИЙ. Ты Ценко Даскалов Ценкин и хорошо это знаешь. И ты убил Лило. А потом тебя замучила совесть и ты присвоил его имя, как будто он жив. Думаешь, раз носишь его имя, то нету греха. Нет убийства.

ЛИЛО. Да не слушай ты этих людей!

СОФРОНИЙ. Из-за бабы, что ли?

ЛИЛО. Не убивал я его.

СОФРОНИЙ. Нет, ты его убил. Раз в предсмертном письме пишешь, что ты его не убивал, значит, тебе непременно нужно, чтобы об этом знали...

ЛИЛО. Поверь – это не я.

СОФРОНИЙ. А ты веришь мне? Ты кому-нибудь веришь? Почему же я должен верить?

ЛИЛО. Мне страшно...

СОФРОНИЙ. А ты признайся – и станет легче... Это, наверно, случилось давно, ты был молодой...

ЛИЛО. Я всего боюсь... Тени своей боюсь. Почему? Скажи, Софроний!

СОФРОНИЙ. О, это страх допотопный, извечный... Еще Софроний Врачанский писал: "И вот заехал прославленный Джезаэрли Хасан паша по дороге в Руцук. Он призвал к себе четверых старейшин, одним из которых был я. И мы стали разбегаться куда глаза глядят. Я побежал мимо резиденции паши, не подумав, что паша, сидя наверху, на галлерее, меня увидит. А он, увидев меня, крикнул: "Эй ты, куда бежишь? Схватить его и привести сюда!" Четверо молодцов меня тут же схватили и привели к паше; ох, и страшно же мне было!.. А он и спроси: "Ты чего это бежал, будто за тобой кто гонится?" А я ему: "Эх, эфенди, мы, то есть – рая, пугливы, как зайцы. Испугаемся – и бежать!"... А он: "Я вас звал, чтобы спросить, какая дорога ведет в Руцук. Что же в этом страшного для вас?"... *(Пауза. Оба молчат.)*

Откуда-то из глубины дома долетают звуки флейты... словно глухое стенание, словно плач и жалоба по утраченной гармонии, по молодости, по прошедшей жизни... В холл входят Первый и Второй...

ПЕРВЫЙ. Ну а теперь за работу...

ВТОРОЙ. Почему бы не переломать ему пальцы – и дело с концом?

ПЕРВЫЙ. Ты послушай... (*Уводит своего напарника в сторону, чтобы разговора не слышали пленники.*) Переломать-то можно. Это может каждый дурак. А смысл-то весь в том, чтобы заставить признаться, пальцем не тронув. Понимаешь? Вот высший пилотаж!.. В любом деле главное, чтобы оно доставляло удовольствие... А какое удовольствие – взять кол и лупить, пока жертва не станет месивом?.. На это способен только кретин!.. А весь номер – заставить тебя бояться!.. Вселить страх, чтоб этот страх пронизал его до мозга костей!.. Тогда его, как куклу, можно дергать за нитки!..

ВТОРОЙ. Ладно, понял. Но что делать сейчас?

ПЕРВЫЙ. Дай сюда горелку!..

Второй идет к столу, приводит в действие горелку, регулирует высоту пламени...

ПЕРВЫЙ. Ну как, Софроний, ты за это время что-нибудь вспомнил?

Софроний молчит.

ПЕРВЫЙ. Ясно. Ничего не поделаешь, придется поджаривать.

Ощущение не из приятных, но ты сам виноват. Крик облегчает только в первые минуты. Потом уже...

Направляет струю пламени прямо в физиономию Софрония... Увеличивает струю...

СОФРОНИЙ. О, нет!.. Нет!.. Я скажу!..

ПЕРВЫЙ. Что ты хочешь нам сказать? Какую-нибудь новую сентенцию?

СОФРОНИЙ. Скажу, где моя сестра!..

ПЕРВЫЙ. Ну-ка повтори!..

СОФРОНИЙ. Скажу вам, где моя сестра!..

ПЕРВЫЙ. (*Софронию.*) Адрес!..

СОФРОНИЙ. Дом за аптекой, в глубине двора. С верандой. На окнах лимонно-желтые ставни. На третьем окне – кружевная гардина.

Брюссельские кружева. Гардина тоже лимонно-желтая. От старости.

Была когда-то белая, как снег...

ПЕРВЫЙ. Хватит про гардину, сестра твоя – там?

СОФРОНИЙ. Там.

ПЕРВЫЙ. Все, пошли. Забери у них паспорта!.. Чтоб не вздумали бежать, и нам потом не пришлось бы вытаскивать их по одному из нор... Только посмейте – ох, как пожалеете об этом!.. Адреса ваши у нас есть!.. (*Быстро укладывает "инструменты" в чемодан, закрыв его, направляется к выходу. Второй спешит присоединиться. Оба выходят.*)

На сцене остаются связанные узники.

СОФРОНИЙ. Посеяли ветер – пожинают бурю... Пропаций мир!..

ЛИЛО. Ты, однако, тоже принял участие в его сокрушении. Сделал, что мог. Сказал бы сразу, где твоя сестра, такого бы не случилось. Не погорели бы мы с тобой. Никто бы нас не связывал.

СОФРОНИЙ. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

ЛИЛО. Не надо было врать...

СОФРОНИЙ. Если сегодня не свяжут за одно, завтра свяжут за другое.

ЛИЛО. Но сегодня мы влипли из-за тебя. А завтра... можем и не дожидаться!..

СОФРОНИЙ. Так уж вышло. А завтра, может, меня свяжут из-за тебя. Стоит копнуть...

ЛИЛО. Ну что тебе стоило признаться минут за пять до моего прихода?

А не разглагольствовать потом, что в Пироте все ходят небритые!.. Я и без тебя знаю, что они небритые! Ну покажите мне хоть одного человека, который думал бы не только о себе!.. Он, видите ли, всегда страдалец, ему суждено жариться на решетке!.. Что – доволен? Хорошо тебе сейчас?!.. Светлячок!.. Нету сестры, пока не припекло!.. А как припекло – так есть!.. Нету, нету, а миллионы-то стибрили!.. И еще мне тут расписывает, как в Пироте все ходят небритые!.. А потом: гоп – обоих на шкару!..

СОФРОНИЙ (*внезапно начинает петь – мурлыкает вполголоса без слов грустную мелодию*).

ЛИЛО. Ты что – рехнулся?! Ишь, петь вздумал! Замолчи!.. (*Срывается на крик.*) Слышишь? Замолчи!.. Ох, я с ума сойду!.. Перестань!..

СОФРОНИЙ (*перестает петь*).

Пауза. Молчание. В доме что-то раздвигается, скрипит, откуда-то доносятся еле слышные обрывки какой-то мелодии... Дверь холла неожиданно с треском распаивается: кто-то сильно пнул ее ногой... Появляется Первый, он в ярости. За ним входит Екатерина, грубо подталкиваемая Вторым... Это интеллигентная с виду, изящная женщина лет шестидесяти, одета со вкусом. Второй открывает

чемодан с "инструментами" и начинает раскладывать их на большом столе.
Екатерина молча осматривается...

ЕКАТЕРИНА. Добрый день!.. *(Связанные узники переглядываются.)*

СОФРОНИЙ. Сестра... прости меня...

ЕКАТЕРИНА. Выходит, вы мой брат?

СОФРОНИЙ. Меня собирались поджаривать.

ЕКАТЕРИНА. Простите, но я вижу этого господина впервые.

ПЕРВЫЙ. Видно, придется переломать тебе пальчики!..

ЕКАТЕРИНА. Вы, молодой человек, напрасно мне не верите, я учительница и всю жизнь...

ПЕРВЫЙ *(перебивает ее)*. Жизнь твоя была досюда!.. *(Грубо хватает ее и привязывает к свободному стулу.)* Вы с вашим омерзительным братом небось думаете, что можете делать из нас идиотов?!..

ЕКАТЕРИНА. Я же показала вам все... мои детские снимки, семейные альбомы, письма... вы же видели, что никакого брата там нет...

СОФРОНИЙ. Сестра, признайся... Мы с тобой договорились все отрицать до конца, но я не выдержал... Я не такой сильный, как ты.

Нет смысла... Больше нету смысла...

ЕКАТЕРИНА. С ним не все в порядке.

СОФРОНИЙ. Нету смысла.

ВТОРОЙ. Да они же похожи как две капли воды! Ты только глянь! Посмотри на его нос! Абсолютно такой же! Посмотри на брови!.. А глаза – те же самые! Кого ты дурачишь?!

ЕКАТЕРИНА. С вами, видимо, тоже не все в порядке. *(Разговаривает озабоченно, как с больным.)*

СОФРОНИЙ. Сестра... прости меня... я упал с лошадки... что делать, я всегда был таким... невезучим...

ЕКАТЕРИНА. О какой лошадке вы говорите?!

СОФРОНИЙ. Неужели ты забыла деревянную лошадку... на которой мы катались вдвоем?.. Отец купил ее мне перед Пасхой... Мы думали всегда быть вместе, рядом, всю жизнь... И чтобы лошадка несла нас по жизни... Помнишь, ты говорила: "Кто упадет, будет жить на облаке?"...

ЕКАТЕРИНА. Сударь, вы обознались.

СОФРОНИЙ. А помнишь, ты любила эдельвейсы... и мама вышивала тебе на вязаных блузках эдельвейсы... белой пряжей на голубом... И на варежках у тебя тоже были эдельвейсы... варежки были на пестром вязаном шнуре, перекинутом через шею, чтоб не терялись... Ты часто теряла варежки... Почему-то левую... А потом стала терять обе... И забывала вставить глаза снеговика... а нос вставляла... а отец говорил, что надо делать двух снеговиков, чтобы один вел другого... Мы с тобой поклялись быть всегда вдвоем, как две варежки на одном красно-белом шнуре – ты белая, я красный... Прости меня, сестричка, что я оборвал этот шнур...

ЕКАТЕРИНА. Да, у меня была блузка с эдельвейсами, и я забывала вставлять глаза снеговикам, но брата у меня нет... Я не знаю, откуда вам известно все это... Очень странно...

СОФРОНИЙ. Неужели ты как раньше все забываешь?

ЕКАТЕРИНА. Ни один человек не может забыть своего брата. Такое не забывается. Извините, но я не ваша сестра, по-моему, вы ошиблись.

СОФРОНИЙ. Сестричка!..

ПЕРВЫЙ (*кричит*). Перестаньте!.. Замолчите оба!.. Больше ни слова!..

Наступает гробовая тишина. Даже Второй удивлен истерической выходкой Первого.

ПЕРВЫЙ. А вам известно, как меня называют? (*Тишина.*) Скажи им! (*Второму.*) Говори, говори, не бойся!.. Я знаю, как вы меня называете за глаза!.. Ну же!..

ВТОРОЙ (*неохотно*). Псих.

ПЕРВЫЙ. Псих, говоришь?!.. Это бывает раз в месяц, но когда помутится в глазах, то крушу все, что подвернется на пути!.. Людей, машины!.. Все подряд!.. Вот и сейчас у меня начинает мутиться в глазах, и я не знаю, что с вами сделаю!..

СОФРОНИЙ. Признайся, сестрица. Что бы ни случилось, я с тобой. Я буду тем, кто тебя поведет, как тот безглазый снеговик... Не оставлю... Не оставляй же меня и ты... Не потеряй, как когда-то варезку!..

ЕКАТЕРИНА (*Обращается к нему озабоченно, ласково, словно к больному*). Послушайте, по-моему, вы тоже псих.

ПЕРВЫЙ (*приводит в действие фрезу и кричит, перекрывая ее вой*). Варезки!.. Эдельвейсы!.. Лошадки!... (*Направляется к Екатерине.*)

СОФРОНИЙ. Стой!.. (*Кричит.*) Постой!.. погоди!..

Первый, который уже подошел к Екатерине, оборачивается.

СОФРОНИЙ (*кричит*). Она мне не сестра!.. У меня нету сестры!..

ПЕРВЫЙ (*с удивленным видом выключает фрезу*). Говоришь, нету сестры?!

СОФРОНИЙ. Нету.

ПЕРВЫЙ. А как же адрес? А желтые ставни? А брюссельские кружева?

СОФРОНИЙ. Я их красил... весной... потому знаю. А с ней вообще незнаком.

ПЕРВЫЙ. А знаешь, что это означает?!

СОФРОНИЙ. Знаю.

ПЕРВЫЙ. Почему же ты нас послал к ней? И про какие лошадки ты здесь болтал?

СОФРОНИЙ. Перепугался я. Со страху.

ПЕРВЫЙ. Хочешь сказать: ты нас надул?! Выдумал все это?!

СОФРОНИЙ. Да.

ВТОРОЙ. Ну и ну!..

ПЕРВЫЙ. А теперь тебе не страшно?

СОФРОНИЙ. Страшно.

ПЕРВЫЙ. Ты думал, что пока нас нету – сбежишь?

СОФРОНИЙ. Нет.

ПЕРВЫЙ. Почему?

СОФРОНИЙ. Так ведь некуда! Куда я убегу от вас?..

ПЕРВЫЙ. Тогда почему обманывал? Что с этого выгадал?

СОФРОНИЙ. Полчаса муки.

ПЕРВЫЙ. Это и есть твоя выгода?!

СОФРОНИЙ. Всякий выгадывает, сколько может.

ПЕРВЫЙ. Теперь-то ты усек, сколько прогадал?

СОФРОНИЙ. Понял.

ПЕРВЫЙ. Сколько?

СОФРОНИЙ. Вдвойне.

ПЕРВЫЙ. Верно. Но ты забыл про штрафы!.. Потому как, о чем уже было сказано, довел меня до белого каления!... *(Берет со стола*

веревку, надевает петлю Софронию на шею и начинает затягивать...)

Ты, выродок... вздумал водить меня за нос... Это меня?.. Меня?!..

Меня?!..

ЕКАТЕРИНА. Отпустите его! Я верну деньги!..

Всеобщее изумление. Больше всех изумлен Софроний.

ПЕРВЫЙ (*не ослабляя веревки*). Значит, вернешь деньги?

ЕКАТЕРИНА. Если отпустите брата.

ВТОРОЙ. Хороший номер нам скроили.

ПЕРВЫЙ. А ты уверена?

ЕКАТЕРИНА. Уверена.

ПЕРВЫЙ. Как бы не вышло потом, что у тебя нет ни брата, ни денег?

ЕКАТЕРИНА. Нет, не выйдет.

Первый отпускает веревку, ослабляет петлю, затянутую на шее Софрония, приглаживает ему волосы...

Первый (*Второму*). Учись!.. Перед нами игрок крупного масштаба – держится до последнего!.. (*Указывает на Екатерину.*)

В эту минуту в холл входит мужчина с шелковым чулком на голове и с пистолетом в руке. Он приказывает Первому и Второму: "Ложись! Оба лицом вниз! Руки на голову!.." Новое изумление. Первый и Второй ложатся ничком, остальные не могут поверить в свое избавление... И правильно не верят, потому что человек стаскивает с головы чулок, и они видят, что это Сенегалец.

СЕНЕГАЛЕЦ (*смеется*). Отбой!.. Это опять я!..

ПЕРВЫЙ *(поднимается)*. Ты в своем уме?!..

ВТОРОЙ. Конопляный! Твою мать!..

СЕНЕГАЛЕЦ. Я-то думал, вы уже далеко отсюда, а вы все еще здесь. Ваша банкирша уже часа два как исповедуется, попалась она... У вас что – телефона нету? *(Бросает свой Первому, тот набирает номер.)*

ВТОРОЙ. Наши остались в машине.

СЕНЕГАЛЕЦ. Они уже думают, что вы попали в аварию.

ВТОРОЙ. С нами все в порядке.

ПЕРВЫЙ *(кончает короткий разговор)*. В порядке, да не совсем!..

(Бросает телефон Сенегальцу.) Айда!.. Уходим!..

ВТОРОЙ. А как же... *(Кивает в сторону связанных мужчин и Екатерины.)*

ПЕРВЫЙ. Убирай инструменты!..

ВТОРОЙ. Я только то и делаю!.. Убирай, доставай!.. *(Убирает инструменты.)*

ПЕРВЫЙ. Тогда иди долбить уголь в шахте!.. *(Раздает узникам паспорта.)* На этот раз... подфартило вам... Эх, Софроний, здорово ты нас подкузьмил, целый день из-за тебя потеряли!.. Как-нибудь я загляну к тебе – подстричься, нам с тобой есть о чем потолковать. Расскажешь мне какую-нибудь быль от Софрония Врачанского... Ну, пошли!.. *(Второй уложил "инструменты" в чемодан, оба направляются к выходу.)*

СЕНЕГАЛЕЦ. Вы идите, а мне здесь надо еще кое-что сделать, я остаюсь.

ВТОРОЙ. Бывай жив-здоров!..

ПЕРВЫЙ. И смотри в оба!.. *(Оба уходят.)*

СЕНЕГАЛЕЦ. Смотри в оба!.. Он меня будет учить!..

ЛИЛО. Эй, парень, ты бы нас развязал!..

СЕНЕГАЛЕЦ. Пускай развязывает тот, кто связывал. Эти дела меня не касаются. Я заберу из подвала моих сенегальцев и смогаю удочки.

ЛИЛО. Из подвала?!

СЕНЕГАЛЕЦ. Я их рассаживаю в трех-четырех местах, чтобы всех не захватили конкуренты.

ЛИЛО. А мы-то здесь с самого утра!..

СЕНЕГАЛЕЦ. О, они уже три дня здесь сидят, время от времени я забываю, где их оставил. У меня без них хлопот хватает... Ну, всего вам хорошего!.. *(Спускается в подвал.)*

Пауза. Молчание. Тишина.

ЛИЛО. Ох, на этот раз вроде пронесло!

СОФРОНИЙ *(Екатерине)*. Не надо было говорить, что я ваш брат.

Погибли бы ни за что ни про что.

ЕКАТЕРИНА. Это вы не должны были говорить, что я ваша сестра.

Оттуда все и пошло.

СОФРОНИЙ. Мне было страшно.

ЕКАТЕРИНА. Мне тоже было страшно, но я не стала сочинять. Не придумывала ни брата, ни сестры.

СОФРОНИЙ. Я тоже не придумывал.

ЕКАТЕРИНА. Пожалуйста, не начинайте заново!.. У меня до сих пор коленки дрожат!..

СОФРОНИЙ. А я ведь правда знаю вас всю жизнь. Еще со времени тех снеговиков.

ЕКАТЕРИНА. Этого не может быть, я бы вас запомнила.

СОФРОНИЙ. Я наблюдал издали. Был очень маленький, а к тому же шел снег.

ЕКАТЕРИНА. Не припоминаю.

СОФРОНИЙ. Я ходил за вами повсюду. Но всегда держался поодаль.

ЕКАТЕРИНА. Странно... Но этого... про облака и лошадку я не говорила.

СОФРОНИЙ. Я это выдумал. Представлял, что мы вместе.

ЕКАТЕРИНА. Выдумали... Но кто вы такой?

ЛИЛО. Его зовут Софроний. Он парикмахер.

СОФРОНИЙ. Вы проходили мимо каждый день, я смотрел на вас из окна парикмахерской... Будто на какую-то другую жизнь, на то хорошее, чего никак не случалось со мной, на счастье, которое сторонилось меня... На дорогу, по которой вы ходили в школу...

Сначала как школьница, потом как учительница... И постепенно мы старились – вместе, нас разделяло только оконное стекло...

ЕКАТЕРИНА. Вы смотрели на меня из окна?

СОФРОНИЙ. Вы были самое прекрасное, что мне выпадало увидеть. Два раза в день. А иногда и больше двух раз. Вы что-то забывали, бежали домой и возвращались с забытой тетрадью или угольником...

ЕКАТЕРИНА. В самом деле... Так бывало... Но я не замечала вас. Я вообще не обращала внимания на ваше окно...

СОФРОНИЙ. Я решил... решил сказать вам все это... перед тем... перед тем, как увижу вас в последний раз...

ЕКАТЕРИНА. Вы могли вовсе не увидеть меня. Они грозились бросить меня в водохранилище. Их раздражало, что я учительница. Они бы хотели, чтоб я была собственницей магазина.

СОФРОНИЙ. Я об этом не подумал. И вообще... пожалуй, я был не прав.

ЕКАТЕРИНА. Я всегда мечтала иметь брата. И лепить с ним снеговиков.

СОФРОНИЙ. Вы не должны были говорить, что я ваш брат. Они могли переломать вам все кости.

ЕКАТЕРИНА. Страшно было даже подумать, что у меня на глазах убьют человека... Иногда мне кажется, что все случившееся с нами – неправда. Что нам снится один и тот же кошмар...

На какие-то секунды воцаряется тишина, которую внезапно нарушает отчетливое равномерное тиканье. Словно кто-то завел невидимые часы.

ЕКАТЕРИНА. А теперь вот что-то тикает!..

ЛИЛО. Это не что-то!.. Если я не освобожусь от веревки... *(Пытается освободиться.)*...нам крышка...

СОФРОНИЙ. Тикает в твоём мешке.

ЛИЛО. Знаю, где тикает!.. *(В исступлении старается освободиться.)*

ЕКАТЕРИНА. В чем дело?! Что здесь творится?!

ЛИЛО. Ничего. Кроме того, что мы можем взлететь в воздух. *(Не прекращает усилий развязать веревку.)* Софроний, ты не мог бы меня развязать?

СОФРОНИЙ. Если бы мог – давно бы развязал

ЛИЛО. Туды его мать!..

ЕКАТЕРИНА. Как это – взлетим?! Почему?!

ЛИЛО *(в отчаянии)*. Эта штука заработала!..

ЕКАТЕРИНА. Какая штука?

ЛИЛО. Бомба. Вроде бы не действовала.

ЕКАТЕРИНА. В мешке полно бомб?!

ЛИЛО. Мин. И один снаряд. Взрывное устройство я взял просто так, как образец... Оно было испорчено... Правда, время от времени что-то тикало в мешке, но я думал, это дзинькают мины...

СОФРОНИЙ. Так вот, значит, какие клады ты ищешь?

ЛИЛО. Не помирать же с голоду.

СОФРОНИЙ. А что ты делал в этом доме?

ЛИЛО. Тут у меня склад. В подвале.

СОФРОНИЙ. Значит, в подвале полно...

ЛИЛО. Нельзя сказать, что полно. Но есть. Я высыпаю порох, на продажу. Да и мины тоже продаю.

СОФРОНИЙ. Так вот почему ты носишь с собой предсмертные письма.

ЛИЛО. В любую минуту могу взорваться! Писать некогда.

СОФРОНИЙ. И потому их семь. Хоть одно да останется. И ты на все это время вооружился терпением?!

ЛИЛО. Ничего не поделаешь – бизнес!..

СОФРОНИЙ. Но ведь ты можешь сгореть!.. И мы с тобой вместе!.. И все вокруг!..

ЛИЛО. Возможно, перестанет тикать!..

СОФРОНИЙ. А может и не перестать!..

ЛИЛО. Похоже, что не перестанет... *(Пауза. Молчание.)*

СОФРОНИЙ. Может, так и надо. Все на куски, весь мир – в обломках, жизнь наша разбита, и обломков этих не собрать, все разгромлено, разрушено, одни развалины... Ну и мы тоже – на куски, может, так и должно быть...

(Пауза, молчание.)

ЛИЛО. А вдруг кто-нибудь придет?

ЕКАТЕРИНА. Может, будет проходить мимо...

ЛИЛО. Такое случалось... проходили.

ЕКАТЕРИНА. Кто-нибудь... окапывать виноградник...

ЛИЛО. Грибники... охотники...

ЕКАТЕРИНА. Кто-нибудь надумает что-то взять в этом доме...

Пауза. Все трое сидят молча. Прислушиваются. С надеждой или отчаянием.

ЕКАТЕРИНА. Почему у нас заброшены виноградники... Когда я была маленькой, здесь всегда были люди... И зимой, и летом... Я уж не говорю о сборе винограда... Опьянение солнцем, янтарные гроздья винограда, и какая-то умиротворенность во всем, какая-то сладостная печаль... Листва, осыпаящаяся при каждом дуновении теплого ветра... Что-то уходит, отмирает, и под конец остаются одни выпотрошенные соломенные пугала... и опустевшие виноградники с оголенными лозами...

СОФРОНИЙ. А нынче пугала – это мы... Сидим выпотрошенные в опустошенном и разоренном доме... Опустошенный и разоренный... Место возвращения... Родное место, куда возвращаешься на две недели. И где остаешься в одиночестве. И уезжаешь с облегчением. Страна возвращения, а не жизни. Полученных открыток... Навязчивых воспоминаний, от которых хочешь избавиться... И все окутано туманом безнадежности... Наши сыновья и внуки постепенно становятся красивыми, умными и богатыми американцами и канадцами. А письмо, которое они дают себе труд написать своим

бабушкам... раз в год... для них перестает служить упреком. Потому как бабушки больше нет... Она исчезла, перестала существовать. Переселилась на облака. Куда-то далеко, в ту страну... И тогда это место забывают... Этот остров и полуостров. Балканы и Итаку, Пенелопу, Телемаха, Сциллу и Харибду... Все тонет в забвении. И новые поколения уже будут думать, что это место, где ведутся непрерывные войны... И куда никак не возвратится Одиссей.

Пауза. Тишина, которую продолжает нарушать тиканье. Кажется, что дом дышит, по нему то и дело проносится легкое дуновение или вихрь, старые бревенчатые балки скрипят и мелькают какие-то тени – словно что-то распластывается или вздымается...

ЛИЛО. Вы чувствуете?! Что-то сдвинулось!.. Как будто дом трогается с места!..

ЕКАТЕРИНА. Вам показалось!

ПИЛО. Мы летим!..

СОФРОНИЙ. Связанному человеку то и дело мерещится, будто он взлетает.

ЛИЛО. А вы не чувствуете, что мы летим?

СОФРОНИЙ. Летит время.

ЛИЛО. Дом и впрямь взлетает!.. Мы летиим!.. Летиим!

На фоне этих криков холодно, отчетливо и беспощадно тикает взрывное устройство... Свет постепенно, медленно меркнет и гаснет. Сцена погружается в полный мрак, как это было в самом начале. Кромешная тьма поглощает героев.

К о н е ц